— И в армейские попадаются такие, что в петроворо...
— Ладно уж, лишнее!
— А лунники, аль не люди?
— Так они и есть лунники, из лыка деланные, хворостом скляченные.
— Я, брат, как в Петербурге служил — разных видал. Был, такой случай. — говорил Христофор, в последнем слове делая ударение на „а". — Несли по обряду царского дворца, в покоях чего отдавали в сторожки. Снаружи над стеной верхи сделали: двое туда, двое сюда. Встречаются, спрашивают: „Все спокойно? Нету никаких бритов? — Нету, ничего" и разъезжаются, а чтоб кричать, поговорить и не мои! Тоже и личности подбирали, становили, в дворах двоих, так подгоняют, чтоб похожи один на одного были. Черные так черные стоят, а белые, так белые. Не то волосо, а чтоб и обличьем были схожи. Мне, брат, раз Цыгульник бороду красил из-за этих самых злостей. Пришло в таре столь с Никифором Маврязковым, — был такой казачек в нашем сотне тешашки станицы, — а он, дьявол, гнедой какой-то. Чуна его знает, что за вески, чуть он положем скоченные. Искать — поискать нету такой масти в сотнях, мне сотник сарит, и говорит: „Иди в цирульню, чтоб в два лик подрисовали бороды и вуса! Чтоб Прикинули и вокрасили... Я как глянул в зеркалу, аж мне захолонуло сердце: горю! Чисто горю и все! Возьму бороду в зубы, чуть он пальцам годно. Ну, вижу, понес все коле! Об чем начал говорить? — перебил Иван Алексеевич.
— Об народе, вот об чем.
— Ну, и рассказывай. А то об бороде свой, на кой ляд клят нам сгонадобилась.
— Вот я и говорю! Пришло раз верхи несть караул. Едем так-то с товарищем, а с улиц студенты вовсю лись. И видимо и невидимо. Увидали нас, шаражуть — Га-а-а! Что раз — Га-а-а... Не вспешишься — окружили нас. „Да чего, казаки, раз'ехаться?" Я и говорю „Несем караул, а то, говорю-то, брось, не хватит! — и за шашку. А он и говорит: „Та, станишник не сумневайсь. Я сам Каменской станицы ротак, а тут учение проходу в кивирси... Кивирситуте, а ми как там, на трогаем дале, а один из партикулярного вынул десятку и говорит, „Вотсите, казачки за здоровье мово тайаци покойнова." Дал нам десятку и показывает и достал из сумки патрет. Вот, говорит, личность, возьмите на добрую память."
Отошли и опять: — Га-а-а... С тем и направились к Невскому проспекту. Ну, мы взяли, совестно не взять.